

Шесть могил на пути в Мюнхен

Автор:

[Марио Пьюзо](#)

Шесть могил на пути в Мюнхен

Марио Пьюзо

Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»

Майкл Роган, офицер американской разведки, на исходе Второй мировой войны направлен во Францию в тыл немецкой армии. Неожиданно для себя Роган влюбляется в дочку своего гостеприимного хозяина и даже женится на ней. Ослепленный своим счастьем, разведчик утрачивает бдительность. В результате вся его разведгруппа, включая беременную жену, попадает в лапы нацистов. Узнав, что Роган собирал разведданные в пользу Союзников, гестаповцы подвергают его супругу жесточайшим пыткам. Сам разведчик чудом выбирается из застенка.

И вот спустя десять лет, полных кошмарных воспоминаний о мучительной смерти жены и нерожденного сына, Майкл возвращается в Европу. Он намерен найти своих палачей, чтобы те напоследок испытали все то, что пришлось вынести его возлюбленной. И даже всемеро больше.

Взрывной, стремительный триллер о кровавом пути одиночки сквозь послевоенную Европу. – Amazon

Пьюзо встраивает элементы классического «Графа Монте-Кристо» в реальность Европы после Второй мировой войны. – Publishers Weekly

Настоящий мастер повествования. – USA Today

Марио Пьюзо

Шесть могил на пути в Мюнхен

Copyright © Mario Puzo, 1967. All rights reserved

© Рейн Н.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Майкл Роган взглянул на сверкающую огнями вывеску над самым крутым ночным клубом Гамбурга. «Sinnlich! Schamlos! Sundig!» – «Чувственно! Бесстыдно! Греховно!» Похоже, владельца ничуть не смущало то, что он продает. Роган достал из кармана маленькую фотографию и какое-то время изучал ее в красном свете лампы над дверью. Он видел эту фотографию сотни раз, но все равно нервничал, не был уверен, что узнает изображенного на ней человека. Люди сильно меняются за десять лет, Роган это знал. Он и сам сильно изменился.

За дверями обнаружился подобострастно кланявшийся привратник. Внутри было темно, если не считать голубого экрана, мерцавшего на заднике небольшой прямоугольной сцены. Роган прошел мимо занятых столиков, шумной, пахнущей спиртным толпы. И тут вдруг в помещении вспыхнули огни. Теперь его фигура отчетливо вырисовалась на фоне сцены, где танцевали обнаженные молоденькие девушки. Однако же и ему стали лучше видны лица посетителей, сидевших за выстроенными полукругом столиками. Официантка коснулась его руки. И кокетливо произнесла по-немецки:

– Герр американер желает чего-нибудь особенного?..

Роган отвернулся от нее, раздраженный тем, что девица с такой легкостью распознала в нем американца. Он почувствовал, как кровь запульсировала под

серебряной пластиной, скрепляющей кости черепа, – опасный симптом. Следует сделать работу как можно быстрее и вернуться в гостиницу. Роган двинулся по помещению клуба, заглядывая в каждый темный угол, где веселые бюргеры пили пиво из высоких объемистых кружек и привычно лапали первых попавшихся под руку официанток, осматривая кабинеты со шторами, где на кожаных диванах лежали мужчины и изучали фотографии танцовщиц, прежде чем взяться за телефон и пригласить к себе понравившуюся девушку.

Роган нервничал. У него оставалось не так много времени. Он резко развернулся лицом к сцене. За спинами обнаженных танцовщиц в занавесе была установлена прозрачная панель. Через нее посетители заведения могли видеть строй новых девушек, готовых выйти на сцену. Они аплодировали всякий раз, когда одна из девушек снимала бюстгальтер или чулок. Чей-то пьяный голос громко выкрикнул:

– Милашки! Ах вы милашки мои! Люблю вас всех! Всех бы переимел!

Роган повернулся на этот голос и улыбнулся в темноте. Он вспомнил голос. За десять лет тот ничуть не изменился. Низкий, с придыханием, с отчетливо слышным баварским акцентом, фальшиво дружелюбный. И Роган быстро пошел на него. Отвернул полу пиджака, нажал на кнопку кожаной кобуры, где лежал «вальтер», другой рукой вытаскивая из кармана глушитель.

И вот он оказался перед столиком, лицом к лицу с человеком, которого никогда не забывал, память о котором хранил на протяжении десяти лет.

Голос не обманул – это был Карл Пфан. Немец набрал фунтов пятьдесят, никак не меньше, и заметно облысел, лишь несколько белесых прядей, зачесанных поперек, липли к жирной коже головы. А рот все такой же – маленький, злобный, каким запомнил его Роган. Он уселся за соседний столик и заказал выпивку. Когда свет в зале погас и за сценой вновь вспыхнул голубой мерцающий экран, Роган осторожно вытянул «вальтер» из кобуры и, держа руки под столом, навинтил на ствол глушитель. Прицел слегка сбит, на точное попадание можно рассчитывать лишь с пяти ярдов. Роган слегка сдвинулся вправо и похлопал Карла Пфана по плечу.

Тот повернул к нему голову, склонил блестящую лысину, и фальшиво дружелюбный голос, снисшийся Рогану на протяжении вот уже десяти лет,

спросил:

- Да, mein Freund, чего желаете?

Тихим хриплым голосом Роган ответил:

- Просто я твой старый приятель. Мы заключили сделку на Масленицу, в понедельник, в 1945 году. В Мюнхенском дворце правосудия.

Представление на миг отвлекло Карла Пфана, глаза смотрели на сцену.

- Нет, нет, этого быть не может, - нетерпеливо произнес он. - В 1945 году я служил отечеству. А бизнесменом стал только после войны.

- Когда ты был нацистом, - сказал Роган. - Когда был палачом и мучителем... Когда был убийцей. - Пульс бешено бился под серебряной пластиной в черепе. - Я Майкл Роган. Служил в американской разведке. Теперь вспомнил?..

Раздался звон разбитого стекла. Карл Пфан резко развернулся всем телом и уставился в темноте на Рогана. И тихим угрожающим голосом произнес:

- Майкл Роган мертв. Чего ты от меня хочешь?

- Мне нужна твоя жизнь, - ответил Роган.

Быстрым движением он извлек из-под стола пистолет, стволом уперся в живот Пфана и спустил курок. Немец содрогнулся всем телом. Роган выстрелил второй раз. Захлебывающийся предсмертный крик Пфана заглушил дружный взрыв смеха в зале - на экране в этот момент возникла забавная сценка обольщения.

Тело Пфана осело в кресле. Его смерть никто не заметит до тех пор, пока не кончится представление. Роган свинтил глушитель со ствола пистолета, разложил разобранный пистолет по карманам. Затем поднялся и не спеша двинулся по темному залу к выходу. Привратник в изукрашенном золотым шитьем камзоле отдал ему честь и свистнул, пытаясь вызвать такси, но Роган отвернулся и зашагал по аллее к порту. Довольно долго он шел по набережной, пока сердце не стало биться медленнее и пульсация крови под пластиной не

прекратилась. В свете холодной луны северной Германии виднелись разрушенные причалы для боевых кораблей и ржавые корпуса подводных лодок – жуткие призраки войны.

Итак, Карл Пфан мертв. С двумя покончено, осталось пятеро, мрачно подумал Роган. И тогда десять лет ночных кошмаров останутся позади и он смирится с серебряной пластиной в черепе, с несмолкаемыми криками Кристины, зовущей его по имени, умоляющей о спасении. И с тем страшным моментом, вспышкой возникающим перед глазами, когда семеро мужчин приговорили его к смерти и начали убивать под высоким сводчатым куполом Мюнхенского дворца правосудия, как какое-то животное. Они хотели умертвить его, лишив этот акт всякого достоинства, со смехом, словно в шутку.

Холодный ветер с моря пробирал до костей, и Роган повернулся и зашагал по Рипербан, миновал полицейский участок и вышел на Давидштрассе. Полиции он не боялся. Свет в ночном клубе был приглушенный, вряд ли кто-либо мог как следует разглядеть его, чтобы достаточно точно описать потом. И все же, соблюдая меры предосторожности, он свернул на узкую боковую улочку, где на углу на большой деревянной доске висел предупреждающий знак: «Юношам вход воспрещен!» Эта улица ничем не отличалась от других, пока он не свернул за угол.

Он оказался на Рипербан, в знаменитом районе Гамбурга, отведенном под легальную проституцию. Кругом неспешно и во множестве прогуливались мужчины. На первый взгляд трехэтажные здания цвета имбирного пряника ничем не отличались от других. Одно исключение: окна первых этажей походили на витрины, и прекрасно было видно, что творится внутри. В креслах и на диванах сидели молоденькие девушки, читали, попивали кофе, болтали или просто мечтательно смотрели в потолок. Таких красавиц Роган никогда не встречал.

Некоторые из них делали вид, что наводят порядок на кухне, но на них не было ничего надето, кроме фартучков, доходивших до середины бедра, а сзади – ровным счетом ничего. На каждом доме красовалась вывеска: «30 марок за час». На нескольких окнах были опущены шторы. На черной ткани штор золотым тиснением было выведено: «Ausverkauf» – «Продано». Это означало, что некий молодец ангажировал девушку на всю ночь.

На глаза ему попалась одна блондинка. Она читала книжку, сидя за оцинкованным столиком в кухне. Выглядела такой одинокой, глаз на людную улицу не поднимала; возле раскрытой книги – пятно от пролитого кофе. Роган стоял у окна и ждал, когда она поднимет голову, хотелось увидеть ее лицо. Но она все не поднимала. Может, она уродлива, как черт, подумал Роган. Он был готов заплатить ей тридцать марок, чтобы на какое-то время забыть, передохнуть, прежде чем предпринять долгий путь до гостиницы. Ему было вредно перевозбуждаться, врачи предупреждали об этом, а женщина с безобразным лицом возбудить не может. Из-за пластины в черепе Рогану не рекомендовалось пить крепкие спиртные напитки, чересчур активно заниматься любовью, даже злиться. А вот на тему того, можно ли ему убивать, не было сказано ни слова.

Войдя в ярко освещенную кухню, он увидел, что девушка очень красива. Она с сожалением закрыла книгу, встала, взяла его за руку и повела во внутреннее помещение дома. Роган ощутил бешеный прилив желаний, от которого задрожали колени и зачастило сердце. Очевидно, добавилась реакция на убийство с последующим бегством, ему казалось, он вот-вот потеряет сознание. Он тяжело опустился на край постели, откуда-то издалека донесся юный певчий, как флейта, голос:

– Что с вами? Вы больны?

Роган отрицательно помотал головой и потянулся за бумажником. Бросил несколько купюр на постель и сказал:

– Покупаю тебя на ночь. Задерни шторы. А потом... дай мне просто поспать. – Девушка пошла на кухню, Роган достал из кармана рубашки пузырек с таблетками, высыпал на ладонь две, закинул в рот. Это последнее, что он помнил, прежде чем погрузиться в забытие.

Проснувшись, Роган увидел, как сквозь пропыленные стекла окон спальни просачивается мутно-серый свет. Огляделся. Девушка спала на полу, прикрывшись тонким одеялом. Роган перекатился на другой бок, чтобы встать с постели с другой стороны. Опасные симптомы о себе больше не напоминали. Кровь не пульсировала под серебряной пластиной, голова перестала болеть.

Из бумажника ничего не пропало. Пистолет по-прежнему лежал в кармане пиджака. Что ж, мне попалась честная девушка, к тому же наделенная здравым смыслом, подумал Роган. Он обошел постель, чтобы разбудить ее, но она уже проснулась и поднималась на ноги, ее красивое тело сотрясала зябкая дрожь.

В комнате, как заметил Роган, сильно пахло розами, розы были вышиты на оконных занавесках и постельном покрывале. Даже ночную рубашку девушки тоже украшали мелкие вышитые розочки. Она улыбнулась:

– Я Розали. Мне нравится все, связанное с розами, – запах моих духов, вышивка на одежде, все.

Она как-то очень по-детски гордилась своим пристрастием к розам, точно оно придавало ей особую значимость. Роган счел это забавным. Сел на постель, поманил ее к себе. Розали подошла, встала у него между ног. Он ощущал нежный аромат, пока она медленно стягивала через голову тонкую ночную рубашку. И вот он увидел груди с розовыми сосками, напоминающими клубничины, длинные белые бедра. А потом ее тело обвилось вокруг него, точно нежнейшие шелковистые лепестки, полные полураскрытые губы коснулись его губ и затрепетали от страсти.

Глава 2

Рогану так понравилась эта девушка, что он решил поселить ее у себя в гостинице на всю следующую неделю. Это предполагало сложные финансовые переговоры с владельцем, но тот в целом не возражал. Розали же была в полном восторге. А что касается Рогана, он испытывал почти отеческое умиление при виде того, как она радуется.

Она пришла в полный восторг, узнав, что гостиница не простая, а известный на весь мир отель под названием «Виер Ярецайтен», самый роскошный в послевоенном Гамбурге. И что все услуги тут оказываются в духе добрых старых традиций времен кайзеровской Германии.

Всю неделю Роган обращался с Розали как с принцессой. Дал ей денег на новую одежду, водил в театр и дорогие рестораны. Девушка она была пылкая, нежная и одновременно – отмеченная какой-то странной отстраненностью, приводившей Рогана в недоумение. Она относилась к нему как к предмету или существу, которое следует любить, ну, как относятся, к примеру, к собаке или другому домашнему питомцу. Она гладила и ласкала его тело как-то бездушно, так поглаживают меховое манто, тихо мурлыкая от удовольствия. Однажды она вернулась из магазинов раньше, чем он ожидал, и застала его за чисткой «вальтера Р-38». То, что Роган является владельцем огнестрельного оружия, ничуть ее не смутило. Ей было все равно, и никаких вопросов по этому поводу она ему не задавала. Отчасти Роган испытал облегчение, увидев такую реакцию, с другой стороны, она показалась ему неестественной.

Опыт приучил Рогана к тому, что после убийства нужно хотя бы неделю передохнуть. Следующим пунктом назначения был Берлин, и Майкл никак не мог решить, стоит ли брать Розали с собой в этот поделенный на две части город. В конце концов решил, что нет. Ведь все могло закончиться скверно, да и девушка по его вине может пострадать. И вот в последнюю ночь он сказал ей, что завтра прямо с утра уезжает, и отдал все деньги, что были в бумажнике. Она как-то странно-рассеянно взяла эти купюры, бросила на кровать и начала раздеваться. И никаких эмоций, кроме чисто физического животного голода по его телу. То была последняя их ночь, и ей хотелось заниматься любовью бесконечно. Как бы между прочим Розали спросила:

– Зачем тебе ехать в Берлин?

Роган уставился на ее гладкие кремовые плечи.

– По делу, – коротко ответил он.

– Я заглянула в твои особые конверты, посмотрела все семь. Вот и захотелось узнать о тебе больше. В ночь, когда мы познакомились, ты убил Карла Пфана, и конверт, где лежит его фотография, помечен цифрой «два». А на конверте, где снимок Альберта Мольтке, стоит номер один, так что я пошла в библиотеку и просмотрела венские газеты. Мольтке был убит месяц тому назад. А в твоём паспорте есть отметка, что ты в это время как раз находился в Австрии. Конверты под номерами три и четыре помечены именами Эрика и Ганса Фрейзлингов, они проживают в Берлине. Так что ты собираешься в Берлин завтра прямо с утра, чтобы убить их. И еще собираешься убить троих человек,

под номерами пять, шесть и семь. Так или нет?

Розали произнесла все это спокойным, ровным голосом, словно в планах Рогана ничего особенного не было. Сидела, обнаженная, на краешке кровати, ждала, когда он снова займется с ней любовью. У Рогана голова пошла кругом. Секунду он подумывал о том, чтобы убить ее, затем отказался от этой мысли. Вдруг понял, что делать это вовсе не обязательно. Она все равно никогда его не выдаст. Странная пустота, светившаяся в ее глазах, говорила о том, что эта девушка не видит разницы между добром и злом.

Майкл опустился перед ней на колени, уткнулся головой в груди. Потом взял ее руку в свою – какая теплая и сухая, она его ни капельки не боится. Он коснулся ее рукой затылка, в том месте, где под кожей пряталась серебряная пластина. Выступ под тонкой, сухой, частично ороговевшей кожей скрывали волосы, но он знал: прощупать металл можно.

– Вот что сделали со мной эти семеро, – тихо сказал он. – Пластина сохраняет мне жизнь, но я никогда не увижу внуков. Никогда не стану стариком, тихо греющимся на солнышке.

Пальцы Розали прикоснулись к его затылку, она не стала брезгливо отдергивать руку, нащупав металл, кусок ороговевшей кожи.

– Я помогу тебе, если хочешь, – прошептала она. И Майкл снова ощутил сладковатый запах роз и подумал, что становится сентиментальным: розы предназначены для свадеб, а не для смерти.

– Нет, – сказал он. – Я уеду завтра утром. Забудь обо мне. Забудь, что видела эти конверты. Договорились?

– Ладно, – ответила Розали. – Я про тебя забуду. – Она умолкла на секунду, и вдруг он заметил, что от ее отстраненности не осталось и следа. – А ты обо мне забудешь?

– Нет, – ответил Роган.

Глава 3

Майкл Роган никогда ничего не забывал. В возрасте пяти лет он во всех подробностях рассказывал матери, что произошло с ним тремя годами раньше, когда двухлетним малышом он серьезно заболел пневмонией. Он даже помнил название больницы, давным-давно позабытое мамой; он описывал ей врача-педиатра, невероятно уродливого мужчину, умевшего находить подход к каждому ребенку. Педиатр даже позволял самым маленьким трогать огромный жировик в форме звезды, что вырос у него на подбородке, чтобы дети перестали его пугаться. Майкл Роган помнил, как пытался оторвать этот нарост, и доктор, комически закатывая глаза, произносил: «Ой! Больно!»

Мама дивилась и даже немного побаивалась подобных невиданных всплесков воспоминаний, а вот отца это забавляло. Джозеф Роган был бухгалтером и трудился в поте лица всю жизнь. Он мечтал, что сын вырастет и станет дипломированным специалистом по аудиту и уже с двадцати одного года начнет зарабатывать приличные деньги. Однако мечтам этим не суждено было сбыться. Как-то раз маленький Майкл Роган пришел из школы с запиской от учительницы. Там было сказано, что родители его должны завтра же явиться к директору – с тем чтобы обсудить с ним будущее Майкла.

Разговор состоялся короткий и деловой. Майклу нежелательно дальше посещать это заведение вместе с остальными детьми. Он отрицательно на них влияет, подрывает дисциплину. Поправляет учительницу, стоит той пропустить хотя бы мельчайшую деталь из рассказа. Он уже умеет читать и писать. Его следует отправить в специальную школу, у него есть шанс сразу попасть в старшие классы, перескочив несколько ступеней.

В девять лет, когда остальные мальчишки носились по улицам и дворам с бейсбольными битами или футбольными мячами, Майкл Роган выходил из дома с настоящим кожаным портфелем, где на золотой бляхе, прикрепленной к ручке, были выгравированы его инициалы и указан домашний адрес. В портфеле лежал учебник по предмету, который Майкл изучал на этой неделе. Он редко тратил больше недели на освоение предмета, который остальные ученики изучали год. Он просто запоминал учебник наизусть, прочтя его всего лишь раз. Вполне естественно, что такого ребенка соседи считали ненормальным.

Как-то раз Майкла окружила группа мальчишек его же возраста. Один из них, белокурый крепыш, спросил:

– Ты когда-нибудь во что-нибудь играешь?

Майкл не ответил.

Мальчишка не отставал:

– Можешь сыграть в моей команде. В футбол.

– Ладно, – ответил Майкл. – Сыграю.

Этот день стал днем его триумфа. Выяснилось, что он обладает отличной координацией, может быстро бегать, точно передавать мяч, бороться с другими мальчишками. Он пришел домой к ужину, и его дорогой кожаный портфель был сплошь заляпан грязью. Мало того, под глазом красовался синяк, а нижняя губа распухла и кровоточила. Но, несмотря на все это, он был так счастлив и горд, что бросился к матери с криком:

– Меня взяли в футбольную команду! Они меня выбрали, я буду играть в команде!

Элис Роган взглянула на его грязное разбитое лицо и заплакала.

А потом пыталась воззвать к его разуму. Объяснила сыну, что уникальный его мозг слишком ценен, что его нельзя подвергать опасности.

– Ты наделен незаурядными мыслительными способностями, Майкл, – сказала она. – Возможно, настанет день, и твой разум спасет человечество. Ты не такой, как все остальные мальчишки. Что, если вдруг ты ударишься головой, играя в футбол? Или подерешься с другими мальчиками?

Майкл выслушал и понял. Вечером пришел отец и сказал примерно то же самое. И пришлось Майклу расстаться с мечтой стать таким же, как все остальные ребята. Его мозг представлял огромную ценность и должен был служить человечеству. Будь Майкл старше, то, возможно, распознал бы, что родителями

движет тщеславие, что они сильно преувеличивают ценность его разума, но он был еще слишком мал, чтобы судить взрослых здраво.

Когда ему исполнилось тринадцать, ребята начали дразнить и унижать его, швырялись камнями, пытались вырвать портфель из рук. Но Майкл Роган, повинувшись родителям, отказывался вступать с ними в драку и терпел эти постоянные унижения. Отец первым усомнился в том, правильно ли они воспитывают своего сына.

И вот как-то раз Джозеф Роган принес домой пару больших и пухлых боксерских перчаток и принялся учить сына искусству самообороны. Сказал, что Майкл должен уметь за себя постоять, дать отпор, если потребуется.

– Важно, чтобы ты вырос настоящим мужчиной, – сказал он. – Это куда важнее, чем стать гением.

В тринадцать Майкл Роган понял, что имеет еще одно отличие от других мальчиков. Родители всегда учили его одеваться аккуратно, по взрослой моде, поскольку большую часть времени он проводил со взрослыми. И вот как-то раз толпа ребят окружила Майкла. Мальчишки сказали, что сейчас стянут с него штаны, забросят их на фонарный столб и пусть он попробует их оттуда достать. То было вполне обычное унижение, которому подвергали слабаков и маменькиных сынков.

Но стоило им приблизиться, как Роган точно с цепи сорвался. Впился зубами в ухо одного обидчика и почти оторвал его от головы. Потом двумя руками схватил главаря банды за горло и стал душить. И не отпускал, несмотря на то что другие мальчишки пинали и толкали его, осыпали со всех сторон ударами, пытаясь отбить своего товарища. Драку остановило только вмешательство взрослых, троих ребят и Рогана пришлось отвезти в больницу.

Зато с тех пор никто ни разу на него не напал. Его стали побаиваться и прозвали бешеным придурком.

Майкл Роган был достаточно умен, чтобы понять: подобные приступы ярости – явление ненормальное и источник его кроется где-то глубоко. Со временем он понял, в чем тут дело. Всю предшествующую жизнь он пользовался плодами своей уникальной памяти, своими интеллектуальными способностями, не сделав

ничего, чтобы заслужить их. И его начало угнетать чувство вины. Он поделился своими переживаниями с отцом, тот все понял и начал думать над тем, чтобы сын вел более нормальную жизнь. Но, к сожалению, Джозеф Роган так и не успел помочь Майклу – скончался от внезапного сердечного приступа.

Рогану шел шестнадцатый год, он превратился в высокого стройного юношу. Продолжая впитывать все новые знания и находясь под влиянием матери, он твердо уверовал в то, что мозг его является чуть ли не священным сокровищем, которое следует беречь и развивать для будущего блага человечества. К этому времени он успел стать магистром гуманитарных наук и готовился получить степень магистра естественных наук. Мать обращалась с ним точно с королем. В тот же год Майкл вдруг обнаружил, что на свете существуют девочки.

Вполне нормальное явление. Но, к своему стыду и смущению, он понял, что девочки его боятся. Высмеивают, хихикают и обращаются с ним с присущей тинейджерам жестокостью. Видя это, Майкл с удвоенной яростью вгрызся в науку.

В восемнадцать его приняли в свои ряды студенты из «Лиги плюща» в колледже, где он заканчивал обучение и готовился получить степень доктора математических наук. А тамошние девушки сочли его привлекательным. Он был довольно высоким, широк в плечах и вполне мог сойти за двадцатидвух-двадцатитрехлетнего парня. Он научился не бравировать своим интеллектом, чтобы не отпугивать потенциальных поклонниц, и вот наконец оказался в постели с девушкой.

Марианн Хокинс была блондинкой, преданной науке и занятиям, а также долгим ночным вечеринкам. На протяжении года она была его постоянной партнершей по сексу. Роган же совершенно забросил занятия, пил много пива – словом, совершал все присущие нормальному юноше глупости. Мать была страшно недовольна таким поворотом событий, но Рогана ничуть это не волновало. Он не любил мать, хоть и никогда не осмеливался признаться в том самом себе.

Японцы напали на Пёрл-Харбор в тот день, когда Роган защитил докторскую. К этому времени ему изрядно поднадоела Марианн Хокинс, и он искал способ расстаться с ней благопристойным образом. Ему надоело напрягать мозги, он страшно устал от претензий и опеки матери. Он изголодался по свободе и приключениям. На следующий день после нападения на Пёрл-Харбор он сел и написал пространное письмо шефу военной разведки. Приложил список своих

ученых достижений и наград и отправил конверт. Примерно через неделю ему пришла телеграмма из Вашингтона, Рогана вызывали на собеседование.

Это собеседование стало одним из самых ярких моментов жизни. Его допрашивал капитан спецслужб с короткой армейской стрижкой, время от времени косившийся на список, присланный Роганом, с выражением крайней скуки на лице. Казалось, произвести на него хорошее впечатление было невозможно, особенно после того, как он узнал, что Роган никогда всерьез не занимался спортом.

Капитан Александер затолкал бумаги Рогана обратно в картонную папку и удалился. Какое-то время отсутствовал, а затем вернулся с листком бумаги, на котором красовался мимеографический оттиск. Он положил его на стол перед Роганом, постучал по бумаге карандашом.

– На этом листке закодированное сообщение. Старое, на данный момент ценности и интереса не представляет. Но мне хотелось бы знать, сможешь ты расшифровать его или нет. И не удивляйся, если сочтешь задание сложным, ведь опыта у тебя пока что нет. – И он протянул листок Рогану.

Роган внимательно изучал его секунду-другую. Стандартная криптограмма, ничего сложного. Роган изучал криптографию и теорию кодов еще в одиннадцать лет, просто для тренировки мозгов. Он взял карандаш и принялся за работу. И уже через пять минут читал расшифрованное послание капитану Александеру.

Капитан снова удалился, затем вернулся с картонной папкой в руках. Извлек из нее лист бумаги с двумя короткими текстами. Это был более сложный код, и расшифровать его было труднее именно из-за краткости послания. Рогану понадобился почти час, чтобы расколоть этот «орешек». Капитан Александер взглянул на перевод, снова исчез куда-то. И вернулся уже не один, а в сопровождении седовласого полковника, который уселся в уголок на диван и стал пристально смотреть оттуда на Рогана.

На этот раз капитан Александер принес Рогану уже три листа бумаги, сплошь исписанные какими-то знаками. И, о чудо, теперь он даже улыбался! Рогану была хорошо знакома эта улыбка, он не раз видел ее на лицах преподавателей и специалистов, считавших, что загнали его в тупик. А потому он очень

внимательно и ответственно подошел к расшифровке, провозился с ней часа три. Он был настолько поглощен делом, что не заметил, как в комнату вошли офицеры. Их было много, и все они пристально наблюдали за испытуемым. Но вот Роган закончил, протянул желтые листки бумаги капитану Александру. Тот пробежал текст глазами и, не говоря ни слова, передал расшифрованный текст седовласому полковнику. Полковник быстро прочел, затем поднял глаза и сказал капитану:

- Проводите его ко мне в кабинет.

Рогану вся эта процедура показалась несерьезной, а потому он удивился, заметив тревогу на лице капитана. Перехватив на себе удивленный взгляд, капитан заметил:

- Вы испортили мне настроение на весь день, молодой человек.

- Прошу прощения, - вежливо сказал Роган. На самом деле ему было плевать. Этот капитан страшно раздражал его.

- Вашей вины в том нет, - проворчал из своего угла полковник. - Никто из нас не предполагал, что вы сумеете взломать этот последний код. Это один из наших лучших кодов, и вот теперь вы знаете его, и нам придется все менять. Ладно. После того как мы вас проверим и примем на службу, то, возможно, снова сможем использовать этот код.

Роган удивился:

- У вас что же, все коды такие легкие?

Полковник нахмурился и ответил сухо:

- Для вас, может, и легкие. Для всех остальных - крайне сложные. Вы готовы немедленно приступить к службе?

Роган кивнул:

- Хоть сию минуту.

Полковник снова нахмурился.

– Нет, сию минуту не получится. Вас должны проверить спецслужбы на благонадежность. И до тех пор, пока все не прояснится, мы вынуждены держать вас под арестом. Вы уже знаете слишком много, чтобы позволить вам болтаться на свободе. Но поверьте – это всего лишь формальность.

«Формальность» представляла собой внутреннюю тюрьму разведывательной службы – Алькатрас[1 - Алькатрас – бывшая федеральная тюрьма для особо опасных преступников на скалистом острове того же названия в бухте Сан-Франциско, ныне музей.] в сравнении с ней мог показаться летним лагерем. Тогда до Рогана еще не дошло, что подобное обращение типично для всех разведывательных служб. Впрочем, уже через неделю он принял присягу и ему присвоили звание второго лейтенанта. А три месяца спустя он возглавил отдел, ответственный за расшифровку всех европейских кодовых сообщений, за исключением российских. Русскими кодами занималось азиатское подразделение.

Он был счастлив. Впервые за всю жизнь занимался чем-то стоящим, по-настоящему важным и интересным. Его память, его выдающиеся умственные способности помогали стране победить врага в этой страшной войне. В Вашингтоне он пользовался большим успехом у молоденьких девушек. Вскоре его повысили в звании. Лучшей жизни нельзя было желать. Но в 1943-м Рогана снова начало одолевать чувство вины. Ему начало казаться, что он использует свои способности, чтобы оставаться в тылу. И вот он попросил перевести его в оперативный разведывательный отдел. Ему сразу же отказали; слишком уж ценным он был работником, чтобы рисковать его жизнью.

Тогда ему пришла в голову мысль использовать самого себя в качестве «ходячего кода», в то время как раз готовилось вторжение союзнических войск во Францию, и их действия надо было координировать. Он составил детальнейший план, блестящий и остроумный, начальство его одобрило. И вот капитана Рогана перебросили во Францию. Пришлось прыгать с самолета с парашютом.

Он страшно гордился собой и знал, что, будь отец жив, он бы тоже им гордился. Но мать рыдала, поскольку он подвергал опасности свою голову, уникальные мыслительные способности, которые семья пестовала и развивала на

протяжении длительного времени. Роган отверг все ее мольбы и просьбы. Ничего такого замечательного он пока что еще не совершил. Возможно, после войны он найдет реальное применение своему гению. Впрочем, он уже давно понял, что даже самые блестящие способности нуждаются в долгом и упорном развитии, тренировках и труде. Ничего, после войны у него будет время этим заняться. В первый день нового, 1944 года капитан Майкл Роган спустился на парашюте на территорию оккупированной Франции, где был назначен шефом отдела союзнической оперативной разведки, призванной наладить связи с местным подпольем. Он тренировался с британскими агентами УСО[2 - УСО (SOE) - Управление специальных операций, создано в Великобритании в 1940 г., секретная служба, задачей которой являлась «координация всех действий по проведению диверсий и саботажа против врага за границей».], научился обращаться с радиопередатчиком, носил при себе крохотную капсулу с ядом, вшитую под кожу левой ладони, - на тот случай, если придется покончить с собой.

На постой его определили в дом французской семьи Шарни в небольшом городке под названием Витри-сюр-Сен, к югу от Парижа. Там Роган и раскинул свою сеть, состоящую из курьеров и информаторов, оттуда отсылал закодированную информацию в Англию. Время от времени принимал по радио запросы с целью прояснить кое-какие детали, необходимые для подготовки вторжения в Европу.

Жизнь с виду казалась такой тихой и мирной. По воскресеньям, если позволяла погода, он отправлялся на пикник с дочерью своих гостеприимных хозяев, Кристин Шарни, длинноногой милой девушкой с густыми каштановыми волосами. Кристина изучала музыку в местном университете. Вскоре они стали любовниками, а потом Кристин забеременела.

Нацепив берет и представив фальшивые документы, Роган сочетался браком с Кристин в городской ратуше, затем они вновь вернулись в дом ее родителей, продолжить подпольную работу.

Союзнические войска высадились в Нормандии 6 июня 1944 года, и у Рогана настолько прибавилось работы, что временами он забывал об осторожности. Через две недели в дом Шарни ворвались парни из гестапо, арестовали всех, кто там находился. Момент они выбрали верно. И им удалось арестовать не только всю семью Шарни и Майкла Рогана, но и сразу шестерых подпольщиков, курьеров, которые ждали поступления информации. На протяжении месяца их

всех допрашивали, пытали, избивали, затем казнили. Всех, за исключением Майкла Рогана и его жены Кристин. Из допросов других пленных немцы узнали о способности Рогана запоминать самые сложные шифры, они собирались использовать его в своих интересах. Жену же пощадили в «знак особой любезности», так с улыбкой сообщили Рогану. Она была на пятом месяце беременности.

Через шесть недель после ареста Майкла Рогана и Кристин посадили в отдельные легковые машины гестапо и повезли в Мюнхен. На оживленной центральной площади города находился Мюнхенский дворец правосудия, и в одном из залов судебных заседаний начался самый страшный допрос Майкла Рогана. Он длился несколько дней, показавшихся ему вечностью, сколько именно – Майкл не мог сказать. Годы спустя его изумительная память услужливо подбрасывала отдельные эпизоды. Он помнил все. И заново переживал все мученья, секунда за секундой, снова и снова. Он страдал от чудовищных ночных кошмаров. И всегда страшный сон начинался с появления команды из семи мучителей, что поджидали его под сводчатыми потолками Мюнхенского дворца правосудия. Поджидали терпеливо и даже добродушно, словно ради собственного развлечения и удовольствия.

Рукава этой семерки украшали повязки со свастикой, впрочем, двое из них были в другой форме. По ней и нашивкам на воротничках Роган понял: один является офицером вооруженных сил Венгрии, второй – из итальянской армии. Поначалу эти двое не принимали участия в допросе, были задействованы как официальные наблюдатели.

Главой допросной команды был высокий офицер аристократической наружности с глубоко посаженными глазами. Он уверял Рогана, что им нужны лишь коды, что хранятся у него в памяти, и что, если он выдаст их, они пощадят его жену и еще не родившегося младенца. Весь первый день они засыпали его вопросами, но Роган молчал. Просто отказывался отвечать. Вечером следующего дня он вдруг услышал голос Кристин – она взывала о помощи из соседнего помещения. Повторяла его имя, кричала: «Майкл! Майкл!» И длилось это бесконечно. Майклу казалось – жена в агонии. Роган заглянул в горящие глаза высокого офицера и прошептал:

– Прекратите это. Сейчас же. Я все скажу.

Следующие пять дней он выдавал им старые, уже не используемые кодовые комбинации. Возможно, чуть позже, сравнив их с перехваченными сообщениями, они поймут, что он дурит им голову. На следующий день они усадили его в кресло и окружили со всех сторон. Нет, они не допрашивали его, не били, даже не прикасались. Затем мужчина в итальянской форме вышел в соседнюю комнату. И через несколько секунд Роган снова услышал душераздирающие крики жены. В голосе ее слышалась такая боль... нет, это было просто невыносимо, невозможно. Роган зашептал, что скажет им все, все, что они хотят знать, но главный офицер лишь покачал головой. Они вернулись на свои места и сидели в полном молчании, а крики пронзали стены, впивались в мозг Рогана до тех пор, пока он не сполз с кресла на пол и не зарыдал от отчаяния. Тогда они подхватили его под руки и поволокли из зала с высокими потолками в соседнее помещение. Там рядом с магнитофоном сидел офицер в итальянской форме. Ужасные крики Кристин, разносившиеся по всему дворцу правосудия, были записаны на магнитную ленту.

– Тебе нас не обмануть, – с презрением заметил главарь. – Мы тебя перехитрили. Твоя жена умерла от пыток в первый же день допроса.

Роган внимательно всматривался в лица этих людей. Если ему удастся выжить, он их всех поубивает. Позже он понял – именно такой реакции они от него и добивались. Они обещали оставить его в живых, если он выдаст все действующие коды. Жажда мести сделала свое дело – он выдал им все. На протяжении двух следующих недель он выдавал им коды, пояснял, как они работают. А потом его отправили в камеру-одиночку, где он просидел, как показалось, много месяцев. Раз в неделю его вызывали в зал со сводчатыми потолками и снова допрашивали, все те же семеро, и постепенно процедура превратилась в рутину. Откуда Рогану было знать, что за это время армии союзников освободили от захватчиков Францию и ворвались в Германию, что войска их уже стоят у ворот Мюнхена. И когда его вызвали на последний допрос, он не знал, что семеро его мучителей готовы все бросить, поменять документы и внешность, исчезнуть, слиться с толпами простых немцев в отчаянной попытке избежать наказания за свои преступления.

– Мы свое слово держим. Мы собираемся отпустить тебя, – сказал аристократической наружности офицер, устремив глубоко посаженные глазки на Рогана. В голосе так и звенела искренность. То был голос актера или оратора. Один из его помощников указал на стопку сложенной на стуле одежды.

– Снимай свое тряпье, переодевайся.

Не веря своему счастью, Роган начал переодеваться прямо у них на глазах. Среди вещей даже была широкополая фетровая шляпа, которую один из немцев нахлобучил ему на голову. И все они рассмеялись, так весело, дружески. А аристократической наружности офицер произнес хорошо поставленным голосом:

– Не правда ли приятно знать, что ты вновь свободен? Что будешь жить дальше?

И вдруг Роган понял: этот тип лжет. Тут явно что-то не так. В зале вместе с ним находились всего лишь шестеро мужчин, и все они улыбались загадочными подленькими улыбками. А затем Роган вдруг почувствовал прикосновение холодного металла к затылку. Это был ствол пистолета. Кто-то подцепил стволом поля его шляпы, и Роган ощутил тошнотворный ужас – сейчас его убьют. То была жестокая игра, садистское развлечение, его убивали, точно какое-то животное, ради забавы. А потом голова наполнилась ревом, словно он погрузился под воду, словно тело его вырвали из пространства, которое оно занимало прежде. И все вокруг погрузилось в нескончаемую черноту...

Выжить Рогану удалось чудом. Его убили выстрелом в затылок, затем бросили на гору трупов других заключенных, которых расстреляли во дворе Мюнхенского дворца правосудия. А шесть часов спустя в Мюнхен вошли передовые части Третьей американской армии, и люди из санитарного батальона обнаружили эти тела. И когда добрались до Рогана, выяснилось, что он еще жив. Пуля ударилась в кость черепа, пробила в ней отверстие, но в мозг не попала. Подобного вида ранения – явление не столь уж и редкое при попадании осколка, но при выстреле из малокалиберного оружия это редкость.

Рогана прооперировали в военно-полевом госпитале, затем отправили в Соединенные Штаты. Еще два года он проходил лечение в разных армейских госпиталях. От ранения повредилось зрение; он видел только то, что находится прямо перед ним, а вот боковое зрение практически отсутствовало. Но после длительных тренировок оно улучшилось настолько, что он даже смог получить водительские права и вести вполне нормальный образ жизни. Правда, теперь он больше полагался не на зрение, а на слух, когда это было возможно. Через два года в череп ему вставили специальную серебряную пластину, чтобы скрепить

расшатавшиеся кости, пластина стала естественной частью его организма. Майкл чувствовал ее только в минуты волнения или стресса. Тогда казалось, что вся кровь приливает к ней, стучит и пульсирует в затылке.

Уже выписывая Рогана из последней больницы, врачи предупредили, что пить ему категорически нельзя. Противопоказаны также слишком активные занятия сексом и еще желательно бросить курить. Его также заверили в том, что интеллектуальные способности ничуть не пострадали, просто ему надо отдыхать немного чаще, чем обычному человеку. Выписали таблетки против головных болей. Приступы таких болей, объяснили врачи, будут случаться периодически из-за повышенного внутричерепного давления, как последствие полученного ранения и вшитой серебряной пластины.

Если вкратце, его мозг стал уязвим перед любыми физическими и эмоциональными нагрузками. Если соблюдать режим и осторожность, он вполне может дожить до пятидесяти, даже до шестидесяти лет. Надо следовать всем этим рекомендациям, регулярно принимать лекарства – в их число входили и транквилизаторы – и каждый месяц приходить на обследование в ветеранский госпиталь. Рогана всячески уверяли в том, что его феноменальная память ничуть не пострадала. Как позже выяснилось, это было правдой, в том и крылась жестокая ирония судьбы.

На протяжении первых десяти лет он послушно следовал всем этим рекомендациям, принимал лекарства, каждый месяц ходил в госпиталь проверяться. Но основным осложнением стала его уникальная память. Ночами, когда он ложился в постель, перед глазами вставали события военных лет, словно кто-то прокручивал ролик с фильмом. Он видел семерых своих мучителей в зале Мюнхенского дворца правосудия с высокими сводчатыми потолками, видел их в мельчайших подробностях. Он чувствовал, как широкополая фетровая шляпа сползает на лоб, как в шею упирается холодный ствол. Как его поглощает нескончаемая ревущая тьма... Стоило закрыть глаза – и он слышал жуткие пронзительные крики Кристин, доносившиеся из соседней комнаты.

Эти десять лет превратились в сплошной ночной кошмар. Выписавшись из госпиталя, он решил поселиться в Нью-Йорке. Мать скончалась вскоре после того, как его объявили без вести пропавшим во время боевых действий, так что никакого смысла возвращаться в родной городок не было. К тому же Роган решил, что в Нью-Йорке легче будет найти применение своим уникальным способностям.

Он получил работу в одной из крупнейших страховых компаний. Суть работы сводилась к простейшему статистическому анализу. И тут, к своему изумлению, Роган вдруг обнаружил, что она почти ему непосильна – никак не удавалось сосредоточиться. Его уволили за некомпетентность – унижение, от которого он страдал почти физически, не только морально. Это событие подорвало веру Рогана в людей. Кого они из себя строят, как только посмели вышвырнуть его на улицу – и это после того, как он едва не погиб, защищая их жалкие шкуры во время войны?

Он устроился секретарем в Администрацию по делам ветеранов в Нью-Йорке. При поступлении ему присвоили третью категорию, это означало, что в неделю он получал шестьдесят долларов и задания выполнял простейшие: заносил данные в карточки, сортировал их. По окончании Второй мировой в Америке появились миллионы новых ветеранов, на каждого следовало завести карточку, и Роган начал подумывать о создании компьютеров. Но лишь через два года он смог вывести сложную математическую формулу, на основе которой могла бы действовать компьютерная система.

В этом великом и замечательном городе он влачил жалкое существование. Шестидесяти долларов в неделю едва хватало на самые необходимые расходы – платить за крохотную квартирку на окраине Гринвич-Виллидж, покупать замороженные продукты и виски. Последнее было необходимо – только напившись, Роган мог заснуть и не видеть страшных снов.

На протяжении всего рабочего дня он возился с этими скучными документами, затем приходил в жалкое свое жилище, разогревал замороженную еду и поедал на ужин эту безвкусную теплую кашу. Потом выпивал полбутылки виски и погружался в забытие на неубранной постели, иногда даже не раздевшись. Но, даже несмотря на это, кошмары продолжали его преследовать. И были, как он успел отметить, ненамного хуже реальности.

В Мюнхенском дворце правосудия его лишили человеческого достоинства. Сделали с ним примерно то же самое, что угрожали сделать мальчишки, когда Рогану было тринадцать, – то был «взрослый вариант» срывания штанов и забрасывания их на фонарный столб. Они подмешивали ему в еду слабительное – питание там было скудное: утром то, что они называли овсянкой, вечером тушеные овощи, – желудок не удерживал пищу, она почти сразу же вылетала наружу. Когда его вытаскивали из камеры на допрос, ежедневное испытание за

длинным столом, Роган чувствовал, как штаны прилипают к ягодицам. И еще от него постоянно воняло. Но хуже всего было видеть ухмылки на лицах мучителей. В этот момент его охватывало жгучее чувство стыда, как оскандалившегося мальчишку. И одновременно это почему-то сближало его с теми семерыми мужчинами, которые подвергали его пыткам.

Даже теперь, годы спустя, Роган не мог избавиться от этого воспоминания, что делало его крайне замкнутым. Он редко выходил из дома, чтобы с кем-то встретиться, не принимал приглашений на вечеринки. Познакомился с девушкой, работавшей в Администрации по делам ветеранов, огромным усилием воли заставил себя как-то ответить на ее интерес к себе. Она пришла к нему домой на ужин с выпивкой и недвусмысленно дала понять, что готова остаться на ночь. Но когда дело дошло до постели, Роган потерпел фиаско.

Через несколько недель после этого случая его вызвал к себе в кабинет непосредственный начальник. Он тоже был ветераном Второй мировой и почему-то вообразил, что пост надзирателя за тридцатью клерками, заполняющими карточки, говорит о его умственном превосходстве над этими людьми. Стараясь не обидеть Рогана, он сказал:

– Возможно, эта работа немного сложновата для вас на данный момент. Возможно, вам лучше переключиться на работу, связанную с небольшими физическими нагрузками. Ну, к примеру, управлять лифтом. Вы понимаете, о чем я?

Тот факт, что этот человек желал ему добра, почему-то показался Рогану особенно оскорбительным. Как ветеран, он имел право подать в суд за увольнение. Но офицер по работе с персоналом посоветовал не делать этого.

– Понимаете, мы всегда сможем доказать, что ваши умственные способности не соответствуют занимаемой должности, – сказал он Рогану. – Государственная гражданская служба передала нам материалы с вашими экзаменационными оценками, вам не хватает квалификации. Так что мой вам совет – обратитесь в госпиталь, пусть выдадут справку о недееспособности. Уволитесь, потом начнете получать пособие и, может даже, посещать вечернюю школу. Чтобы получить хоть какую-то профессию.

Роган был изумлен. Не выдержал и расхохотался. Очевидно, решил он, какая-то часть его документов затерялась и эти люди подумали, что при поступлении на работу он представил неверные сведения. Вот в чем штука, подумал он. Так и видел, как они сидят и улыбаются, глядя на него. Вообразили, что он подделал документы об образовании. Роган снова засмеялся и вышел из кабинета. А потом – и из здания, подальше от этой оскорбительной оупляющей работы, которую он был не в состоянии выполнять нормально. Он никогда больше не вернулся сюда, а где-то через месяц обнаружил в почтовом ящике уведомление об увольнении. Теперь приходилось жить лишь на инвалидное пособие, он получал эти деньги и прежде, но ни разу не снял со счета ни цента.

Теперь свободного времени было навалом, и он стал больше пить. Снял комнату неподалеку от улицы Бауэри и превратился в одного из бесчисленных изгоев, которые проводят день, попивая дешевое вино до тех пор, пока не вырубятся. Два месяца спустя он вернулся в Администрацию по делам ветеранов уже в качестве пациента. Но не из-за проблем с головой. Он страдал от истощения и так ослаб, что мог умереть от самой заурядной простуды.

И вот, снова оказавшись в госпитале, он повстречал там своего друга детства, Филиппа Хоука, тот лечился от язвы. Именно Хоук, ставший адвокатом, помог Рогану получить первую работу с компьютерами. Именно Хоуку кое-как удалось примирить Рогана с действительностью и человечеством в целом, напомнив ему о былых блестящих способностях.

Но путь к возвращению был долог и труден. Роган пробыл в госпитале полгода, первые три месяца его лечили от алкоголизма. В последние три он прошел полное обследование – не только чисто физических последствий ранения в голову, но и специальные тесты на умственную утомляемость. Впервые за все время ему был поставлен полный и точный диагноз: мозг Майкла Рогана почти полностью сохранил феноменальную память и блестящие креативные способности. Но напрягать его на протяжении длительных отрезков времени или же подвергать стрессам возбранялось – он быстро переутомлялся. Роган уже никогда сможет работать долго и сосредоточенно, чего, собственно, и требовала творческая исследовательская работа. Даже о выполнении простых заданий, требующих длительного времени, теперь не могло быть и речи.

Но новости эти ничуть не расстроили Майкла Рогана. Напротив, он был рад узнать, на чем стоит и на что может рассчитывать. И еще это помогло снять угнетающее ощущение вины, ибо теперь он уже не отвечал за «сокровище»,

принадлежавшее человечеству. А когда Филипп Хоук устроил его на работу в одну из новых компьютерных фирм, Роган вдруг с удивлением обнаружил, что на подсознательном уровне уже предвосхитил это замечательное изобретение, компьютер, думал и работал над его устройством, служа простым клерком в Администрации по делам ветеранов. А потому меньше чем за год благодаря блестящему знанию математики он решил много чисто технических и конструктивных проблем. Хоук потребовал в фирме партнерства для Рогана, затем стал его финансовым советником. Всего за несколько лет компьютерная фирма Рогана стала ведущей в десятке себе подобных. Они вышли на рынок, успешно там себя проявили, цены на акции росли с каждым годом. Рогана называли гением в этой области, приглашали в качестве советника по научным вопросам, когда несколько отдельных департаментов образовали Министерство обороны. Мало того, он стал миллионером. Через десять лет после войны он добился успеха и славы, и это несмотря на то, что работать с полной отдачей мог не более часа в день.

Филипп Хоук взял на себя все финансовые и организационные вопросы и стал лучшим другом Рогана. Жена Хоука часто пыталась познакомить Рогана со своими незамужними подружками, но ни одна из интрижек не переросла в нечто более серьезное. Фантастическая память до сих пор работала против него. Ночами Майкл по-прежнему слышал жуткие крики Кристин в Мюнхенском дворце правосудия. Снова чувствовал, как липнут грязные штаны к ягодицам, снова видел презрительные усмешки на лицах семерых своих мучителей. Нет, думал он, новой жизни мне никогда не начать, и места для другой женщины в сердце не будет.

Все эти годы Роган внимательно следил за каждым судебным процессом над военными преступниками в Германии. Он подписался на европейскую газету объявлений, нашел в Германии частное сыскное агентство и договорился, чтобы они присылали ему снимки всех обвиненных военных преступников, вне зависимости от чина и ранга. У него собралась целая коллекция. Хотя в целом задача казалась безнадежной – отыскать семерых мужчин, чьих имен он не знал, которые к тому же сделали все, чтобы раствориться в многомиллионном населении Европы, было невозможно.

И вдруг ему повезло. Частное детективное агентство прислало снимок солидного господина, чиновника городского муниципалитета из Австрии. Внизу красовалась приписка: «Альберт Мольтке, оправдан судом. Занимает выборную

должность, несмотря на прошлые связи с нацистами». Майкл узнал это лицо.

Роган так и не простил себе эту ошибку, открытую передачу радиосообщений в день высадки союзных войск в Нормандии. Именно она привела к обнаружению и уничтожению группы подпольщиков. Но он многому с тех пор научился. И теперь действовал чрезвычайно осмотрительно. Увеличил вознаграждение детективному агентству в Германии и просил их на протяжении года держать Альберта Мольтке под самым пристальным наблюдением. Эти люди знали свое дело, и к концу срока Роган получил еще три снимка с именами и адресами. Выявились еще трое палачей, убивших жену и подвергавших пыткам его самого в Мюнхенском дворце правосудия. Номер один: Карл Пфан, бизнесмен, занимается импортом/экспортом в Гамбурге. Другие двое оказались братьями. Эрик и Ганс Фрейслинги владели автомастерской и бензозаправкой в Западном Берлине. Роган решил, что час пробил.

Он очень тщательно готовился. Заставил свою компанию назначить его торговым представителем в Европе, обзавелся рекомендательными письмами в компьютерные фирмы Германии и Австрии. Он не боялся, что его узнают. Ужасные ранения и годы страданий изменили внешность до неузнаваемости, кроме того, для этих семерых он был покойником. Палачи считали, что убили капитана Майкла Рогана.

И вот он вылетел самолетом в Вену. Поселился в отеле «Захер», прекрасно пообедал, даже съел на десерт кусок фирменного торта, затем прошел в знаменитый «Красный бар» при том же отеле, посидел там, попивая бренди. Позже вышел прогуляться по вечерним улицам города, послушал музыку, доносившуюся из кафе. Затем вернулся в свой номер и лег спать.

Следующие две недели Роган посвятил бизнесу. И через двух дружественно настроенных австрийцев, с которыми познакомился в двух компьютерных фирмах, начал получать приглашения на важные вечеринки и приемы в Вене. И вот на балу в муниципалитете, где собирались городские чиновники, он наконец увидел Альберта Мольтке. Майкл был удивлен, как сильно изменился этот человек. Лицо лоснилось от благополучной жизни и хорошей еды. Волосы поседели, приобрели серебристый оттенок. Он так и излучал показную любезность опытного политика. И держал под руку жену, стройную жизнерадостную женщину, которая была значительно моложе его и на которую он поглядывал уже не с притворной, а самой искренней любовью. Заметив, что Роган на него смотрит, Мольтке вежливо кивнул, точно говоря тем самым: «Да,

спасибо за то, что вы за меня голосовали. Конечно, я вас очень хорошо помню. Всегда рад видеть вас у себя в офисе». Поклон, столь типичный для опытного политика. «Неудивительно, что Мольтке ускользнул от правосудия во время процесса над военными преступниками, – подумал Роган. – Мне повезло, что этого типа оправдали, в результате чего и появился в газете снимок, приговоривший Альберта Мольтке к смерти».

Альберт Мольтке поклонился незнакомцу. Эта боль в ногах просто убивает, с каким бы удовольствием он оказался сейчас дома, у камина, сидел бы и попивал черный кофе, лакомился фирменным тортом. Все эти приемы – такая скука, но никуда не денешься, Partei[3 - Партия (нем.)] должна где-то пополнять фонды для выборов. Он обязан коллегам за то, что так преданно поддерживали его все это последнее нелегкое время. Мольтке почувствовал, как жена Урсула слегка сжала его руку, и снова поклонился незнакомцу, ощущая, что за ним стоит нечто важное, нечто такое, что он забыл и теперь непременно должен вспомнить.

Да, Partei и его любимая Урсула поддержали, встали стеной, когда его обвинили в военных преступлениях. В результате процесс даже обернулся ему на пользу. Он выиграл выборы в один из местных городских советов, теперь за свое политическое будущее, хоть и ограниченное, можно не волноваться. Он обеспечит себя и семью на всю жизнь. И тут, как всегда, пришла тревожная мысль: что, если соратники по партии и Урсула узнают, что обвиняли его не напрасно? Будет ли жена по-прежнему любить его? Что, если она бросит его, если узнает правду? Нет, она никогда и ни за что не поверит, что он способен на такие преступления, и неважно, какие будут представлены доказательства. Да он и сам верил в это с трудом. Тогда он был совсем другим человеком – более жестким, хладнокровным, сильным. В те времена то был единственный способ выжить. И все же... все же... как такое могло быть? Укладывая двух маленьких детишек в постель, он вдруг спохватывался и отдергивал руки – точно боялся осквернить их своим прикосновением. Такие руки не должны прикасаться к невинным существам. Но ведь жюри присяжных его оправдало. Освободило от наказания, взвесив все улики и свидетельства, и судить его повторно по тому же делу уже нельзя. Он, Альберт Мольтке, отныне невиновен, согласно закону. И все же... все же...

Незнакомец направлялся прямо к ним. Высокий мужчина крепкого телосложения с головой несколько странной формы. Довольно хорош собой, отмечен эдакой немного мрачной немецкой красотой. Но тут Альберт Мольтке разглядел его дорогой, прекрасно пошитый костюм. Нет, американец, это очевидно. После

войны по делам, связанным с бизнесом, Мольтке встречался со многими американцами. Он приветливо улыбнулся, затем собрался представить жену, но в этот момент она отошла на несколько шагов и заговорила с кем-то из знакомых. Тогда американец представился сам. Странная фамилия, вроде бы Роган, она показалась Мольтке отдаленно знакомой.

– Поздравляю с выдвижением в городской совет. И с недавним оправданием тоже искренне поздравляю.

Мольтке выдавил вежливую улыбку. И ответил стандартной, заученной фразой:

– Просто патриотичное жюри присяжных исполнило свой долг. И вынесло справедливое решение, к счастью для меня, простого честного немца.

Они поболтали еще немного. Американец предложил помощь в компьютеризации бизнеса Мольтке. Тот сразу заинтересовался. Он понял: американец сумеет освободить его от нескольких городских налогов в обоюдных интересах бизнеса. Зная из прошлого опыта, что это может обогатить его, Мольтке еще больше расположился к американцу, взял его под руку и сказал:

– Почему бы нам не подышать свежим воздухом? Пройдемся немного, вы не против?

Американец улыбнулся и кивнул. Жена Мольтке не видела, как они вышли.

Они неспешно прогуливались по городской улице, и тут вдруг американец как бы между прочим спросил:

– А вы меня не узнаете, нет?

Мольтке изобразил сосредоточенность, затем ответил:

– Мой дорогой, ваше лицо действительно кажется знакомым. Но я встречаюсь со столькими людьми...

Его сжигало нетерпение, хотелось, чтобы американец поскорей перешел к делу. А потом он с легким чувством тревоги заметил, что прохаживаются они по

безлюдной аллее. Тут американец наклонился к уху собеседника и прошептал такое, от чего сердце Мольтке едва не остановилось.

– Помнишь Масленицу 1945-го? В Мюнхене? Во Дворце правосудия?

Только тут Мольтке узнал это лицо, а потому не удивился, когда американец сказал:

– Майкл Роган.

Нахлынувший страх словно лишил Альберта Мольтке воли. По его глазам Роган понял – тот его узнал. И потянул спутника за собой, все дальше по безлюдной аллее, чувствуя, как тот дрожит всем телом.

– Не бойся, я не причиню тебе зла, – сказал он. – Мне только нужна информация об остальных твоих сотоварищах. Знаю про Карла Пфана и братьев Фрейслингов. Назови фамилии и имена остальных троих. И где я могу найти их?

Мольтке был в ужасе. Он неуклюже бросился бежать вперед по аллее. Роган пустился следом, легко нагнал, со стороны это выглядело так, будто двое мужчин совершают пробежку, полезную для здоровья. Оказавшись слева от австрийца, Роган вытащил «вальтер» из кобуры. И все еще на бегу навинтил на ствол глушитель. Никакой жалости или сострадания он не испытывал. Грехи Мольтке намертво впечатались в его память, он тысячу раз видел это в кошмарах. Это он, Мольтке, улыбался, слушая отчаянные крики Кристин из соседней комнаты. Это он тогда пробормотал: «Да перестань. Не надо изображать героя за счет своей несчастной жены. Разве не хочешь, чтобы она родила тебе ребенка?» И произнес он эти слова так убедительно, словно не знал, что Кристин уже мертва. Пожалуй, из всей семерки Мольтке причинил ему меньше зла, но эти воспоминания о нем должны умереть. И Роган выстрелил Мольтке в бок два раза. Тот пошатнулся и начал медленно падать головой вперед, Роган же бросился бежать по аллее и вскоре оказался на улице. И на следующий же день вылетел в Гамбург.

Найти в Гамбурге Карла Пфана не составило особого труда. Тот был самым жестоким из его палачей, но жестокость эта носила какой-то совсем уж животный характер, наверное, поэтому Роган ненавидел и презирал его меньше, чем остальных. Пфан вел себя согласно истинной своей природе. Он был

примитивен, глуп и жесток. Роган убивал его с меньшей ненавистью, чем Мольтке. Все прошло гладко, по плану. Однако в планы Рогана вовсе не входило встретить немецкую девушку по имени Розали с постоянно исходившим от нее цветочным ароматом, странным отсутствием эмоций и растленно-невинным взглядом.

И вот теперь, лежа с ней постели в номере гамбургской гостиницы, Роган легонько поглаживал ладонями ее тело. Он рассказал этой девушке все, уверенный, что она его не выдаст. А может – в надежде, что она сумеет заставить его прекратить эту смертоносную погоню.

– Я все еще тебе нравлюсь? – спросил он.

Розали кивнула. И приложила его руку к груди.

– Позволь мне помочь тебе, – сказала она. – Мне на всех плевать. Плевать, что они умрут. Но ты... мне небезразличен. Возьми меня с собой в Берлин, буду делать все, что скажешь.

Роган чувствовал – она говорит правду. Заглянул Розали в глаза и даже вздрогнул – они светились такой детской невинностью и одновременно эмоциональной пустотой, словно для нее и убийства, и занятия любовью были равно допустимы и вполне естественны.

И он решил взять ее с собой. Неплохо иметь такую любовницу, к тому же она действительно при случае может помочь. Кроме того, она, похоже, совсем одинока в этом мире.

На следующий день Роган повез Розали по магазинам, на Эспланаду и в галерею «Базельский пассаж». Купил ей два новых наряда, так эффектно оттенявших бледно-розовую кожу и голубые глаза. Потом они поехали в отель, упаковали вещи и после ужина вылетели ночным рейсом в Берлин.

Через несколько месяцев после окончания войны Роган доставили из ветеранского госпиталя США в штаб-квартиру американской разведки в Берлине. Там его попросили взглянуть на снимки подозреваемых в военных преступлениях, посмотреть, нет ли среди них людей, подвергших его пыткам в Мюнхенском дворце правосудия. В картотеке его дело числилось под номером A23 486 и хранилось в архивах комиссии союзнических сил по военным преступлениям. Но среди подозреваемых не оказалось ни одного знакомого ему лица. Ни одного из тех, что запомнились на всю жизнь. Майкл ничем не смог помочь, и его отправили обратно, в американский госпиталь. Но несколько дней все же удалось провести в Берлине, он бродил по улицам разбомбленного города и при виде руин испытывал нечто похожее на удовлетворение.

Великий город сильно изменился за эти годы. Власти Западного Берлина отчаялись убрать все семьдесят миллионов тонн развалин, оставшихся после жестоких бомбежек авиацией союзников. Вместо этого они сложили мусор и осколки камней в небольшие искусственные холмики, которые засадили цветами и низким кустарником. Более крупные обломки использовались для постройки фундаментов новых жилых домов, которые теперь высились повсюду, причем архитектура их была вполне современной и сэкономила пространство. Нынешний Берлин напоминал огромный серо-стальной лабиринт из камня; по ночам самые темные закоулки этого лабиринта превращались в гнезда, где таились зло и преступность, распространившиеся в тяжелые послевоенные годы.

Роган с Розали зарегистрировались в «Кемпински», что на углу Курфюрсдам и Фазаненштрассе, возможно, то была самая элегантная гостиница в Западном Берлине. Затем, уже из номера, он сделал несколько телефонных звонков в фирмы, с которыми сотрудничала его компания, и договорился о визите в частное сыскное агентство, чьими услугами пользовался на протяжении последних пяти лет.

На первый в Берлине обед он повел Розали в ресторан под названием «Ритц», считалось, что именно там самая лучшая восточная кухня в городе. Его позабавило, с каким удовольствием и непомерным аппетитом Розали уплетает огромные порции еды. Они заказали суп под названием «Птичье гнездо» – в центре тарелки красовалось сплетение из овощей, нарезанных в виде тонких веточек и запятнанных чем-то напоминающим темные капли крови. Больше всего понравилась Розали смесь из красных кусков омара, белых ломтиков свинины и коричневых лепестков пропитанной ореховым соусом говядины. Но затем на первое место вышли у нее зажаренные на открытом огне ребрышки и

цыплята с мягкой снежно-белой фасолью – она сочла это последнее блюдо просто восхитительным. Она попробовала креветки в черном соевом соусе и одобрительно кивнула. Все это великолепие заедалось несколькими порциями жареного риса и запивалось многочисленными чашками горячего чая. Чрезвычайно плотный обед, но Розали с легкостью справилась с ним. Она наконец-то обнаружила, что в этом мире существует и другая еда, помимо хлеба, картошки и мяса. Роган с улыбкой наблюдал за тем, с каким удовольствием ест девушка, до последней крошки доедает все, что осталось на больших и плоских посеребренных блюдах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Алькатрас – бывшая федеральная тюрьма для особо опасных преступников на скалистом острове того же названия в бухте Сан-Франциско, ныне музей.

2

УСО (SOE) – Управление специальных операций, создано в Великобритании в 1940 г., секретная служба, задачей которой являлась «координация всех действий по проведению диверсий и саботажа против врага за границей».

Партия (нем.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mario-pyuzo/shest-mogil-na-puti-v-myunhen>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)